

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

НЕ ЖДИ МЕНЯ, МАМА,
ХОРОШЕГО СЫНА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Не жди меня, мама, хорошего сына / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098399-5

В одной комнате — труп, в другой — сейф с золотом и драгоценными камнями. Оперу Степану Круче сразу ясно, что золотишко принадлежит бандитскому авторитету Битку. Но тот отрицается: и труп — не моих рук дело, и золото не мое. Но Круча уверен — Биток промышляет контрабандой презренного металла с сибирских приисков. А труп принадлежит хозяину квартиры, подельнику Битка. Кто же его замочил? Может, крутой авторитет Сафрон, который хочет прибрать к рукам «золотую жилу»? Вот и разберись, Степан, кто самый алчный из бандитов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098399-5

Часть первая

ГЛАВА 1

Параллельные миры существуют. Сеня Балабакин убедился в том, оказавшись в камере временного задержания. Каких-то десять-пятнадцать минут назад он освежался коньячком в элитном баре, обольщал случайную знакомую, фееричную милашку с пухлыми губками, и вдруг пассаж — опера из угрозыска, наручники, телепортация в сером «уазике» из яркой иллюзии в мрачную реальность отдела милиции.

Дежурный сержант не деликатничал — втокнул Сеню в камеру, с шумом закрыл решетчатую дверь. Мир сузился до размеров грязной каталажки, населенной живыми существами.

Их было трое. Кривоносый, наголо бритый персонаж в спортивных брюках с полоской и рваной черной майке-борцовке; рельефные плечи сплошь в татуировках — густой раскраски кресты, черепа, женские прелести; пальцы в чернильных перстнях, на шее толстая латунная цепь. Он сидел, на восточный манер подобрал под себя ноги; руки уперты в коленки, локти широко разведены. Взгляд мутный, тусклый, безразличный. Зрачки суженные, щеки впалые и бледные, на локтевых сгибах следы от инъекций. Уголовник плюс наркоман со стажем, подумал Сеня... Второй обитатель камеры смотрел на новичка более живо и с интересом. Косматые волосы, лохматая одежда: широкие штаны, мешковатая майка с номером, блинг-блинг — серебряная цепь с кулоном в виде долларового знака. Широкий выпуклый лоб, скальным выступом нависший над

беспокойными глазами, клубневый нос — крупный, рыхлый, с серым оттенком, рот наискосок. Похож на рэпера... Третий — квелый очкарик с рахитичной головой; волосы жиденькие, но длинные, стянутые на затылке резинкой. Правое ухо пунцово-красное, щека под ним расцарапана, губа разбита, светлая в полоску рубашка грязная, карман оторван — видно, что досталось ему порядком. Но парень не унывал. Он смотрел на Сеню гонористо; губы его кривились в насмешливой ухмылке... «Типичный компьютерный червь...»

— Ку! — гулко ухнул он.

— Не понял? — Сеня удивленно приподнял брови.

— Кисакуку, киса, ты с какова города?

Рэпер крутнул пальцем у виска, глянув на очкарика. И махнул рукой новичку — похоже, в знак приветствия.

— Yo dude!

— Сам ты угод! — нахраписто выдал Сеня.

Уголовник прыснул, провел рукой по животу. Но не обронил ни слова: молча проглотил смешинку.

— Да не угод... — скривился рэпер. — Это я поздоровался с тобой.

— И я, — кивнул очкарик.

Он уже не гоношился. Сеня показал зубы и этим стер с него песивый налет.

— Что — ты?

— Поздоровался.

— С кем?

— С тобой.

— Ты идиот?

— Ф топку!

— Значит, идиот...

— Я с него угораю! — широко улыбнулся рэпер. — Коры мочит, ваще!.. Сакс, короче!

— Выпей йаду, сцука! — огрызнулся очкарик.

— Я те ща набуцкаю, чмо!

Рэпер вскочил со своего места, сжимая кулаки, но уголовник осадил его.

— Ша! Не вмачивай рога, баклан!.. И ты, чертила очкастая, будешь пургу мести, я тебе шнифты выкручу!

Выплеснув эмоции, уголовник затих — спиной откинулся к стене, закинул руки за голову, закрыл глаза. Успокоились и остальные. Рэпер вернулся на место, опустил голову, разглядывая долларовый знак на цепи. Очкарик молча теребил подол своей рубахи.

На Сеню никто не смотрел. Да он и не нуждался ни в чем внимании. Он с горечью думал о том, что, возможно, свобода потеряна для него навсегда. И если так, то матерые уголовники с их устрашающим жаргоном станут для него чудовищной повседневностью...

* * *

Майор Комов не был уверен в том, что теща — друг человека. Сосуществовал он с матерью своей жены относительно мирно, но иногда подмывало поцеловать вагон, в котором она уезжала домой. Но, похоже, Алевтина Михайловна застряла в Битове надолго: один автолихач познакомил ее с бампером своей машины, после чего женщина отправилась на больничную койку с черепно-мозговой травмой и переломом ноги.

Лихач удрал с места происшествия. Розыском преступника занялись в ГИБДД, но и Федот Комов не бездействовал, подключил к делу своих сыскарей из уголовного розыска — общими усилиями злодей был доставлен в отдел внутренних дел города Битово. Им оказался молодой человек, владелец автомобиля «Ниссан». Балабакин Арсений Викторович.

Задержанного доставили в кабинет, но Комов как будто и не замечал этого; суровый и невозмутимый, он наводил порядок на своем рабочем столе, раскладывал скопившиеся на нем папки с делами по ящикам. Парень ждал недолго — пожал плечами, выдвинул стул из-за приставного стола, сел.

— А вот это ты зря, — немедленно среагировал Ко-

мов. — Сесть тебе никто не предлагал... Но раз ты настаиваешь, будешь сидеть.

Парень прытко встал со стула, вытянулся в струнку.

— Что, не хочешь сидеть? — сурово спросил Федот.

— Нет, — потерянно мотнул головой парень.

Ему было двадцать четыре года. Среднего роста, худощавый, но мускулистый. Ухоженные волосы, стильная бородка а-ля Арамис. Желтая стрейч-майка облегла поджарый торс, обнажая загорелые жилистые руки. Бейсболка задом наперед, сильно вываренные и усаженные джинсы, кроссовки на высокой подошве. Лицо узкое, вытянутое вперед, широко расставленные маленькие глаза; нос костистый, длинный, с горбинкой — признак гордости. Брови клинообразные, изломанные — показатель авантюризма, — но в то же время высоко поднятые, что присуще людям пытливой, ищущей природы... Самолюбивый, целеустремленный прохиндей?

— Не любишь ты мою тещу, парень, — издалека начал Комов.

Балабакин огорошенно моргнул.

— При чем здесь ваша теща?

— При том, парень, что нет у меня больше тещи. Ты ее убил. Насмерть сбил на своей машине.

— Я?! Я никого не убивал! — возопил парень. И проговорился: — Она же в травме...

— Кто в травме?

— Ну, теща... Женщина, которую...

— Которую ты сбил?

— Э-э... Я никого... Нет, не сбивал... Никого...

Балабакин говорил сбивчиво, спотыкался на каждом слове. От волнения. Оттого что врал...

— «Ниссан», госномер «триста тридцать три», две тысячи второго года выпуска, оранжевый металлик — твоя машина?

— Да, машина.

— Что, машина?

— Да, моя машина... У меня ее угнали... Да, угнали ка-

кие-то сволочи, в тот день, когда женщину сбили, — бодрой скороговоркой изложил парень.

Одно это быстрословие показалось Комову подозрительным. Не говоря уже о том, что Балабакин снова проговорился.

— А когда ее сбили?

— Ну, три дня назад... Э-э, второго июля...

Парень говорил правду, но почему-то слова вязнут в голосовых связках.

— И откуда ты знаешь, что второго июля? Откуда ты знаешь, что женщина в травме?.. И машину ты в угон не подавал. И нашли ее возле твоего дома... Хватит отпираться, Балабакин!

Сеня горестно вздохнул, с вороватым кокетством потупил глазки.

— Кто угнал у тебя машину? — жестко и бескомпромиссно спросил Комов.

— Никто, — четко сказал парень.

— Кто сбил женщину?

— Я.

— И как это произошло?

— Как произошло? Просто и быстро. Ехал домой к родителям, из Москвы, очень спешил, на перекрестке светофор, загорелся желтый, думал, проскочу, а не получилось. Ей бы постоять чуть-чуть, а она поперлась. Голова опущена, взгляд по зебре тащится, ну ей-бо, как та корова!.. Извините, товарищ... не знаю, как вас по званию...

— Гражданин начальник, — с хмурым видом подсказал Федот.

Балабакин признал свою вину — будет составлен протокол допроса, затем представление на возбуждение уголовного дела, чуть позже следователь предъявит обвинение. И все это время парень проведет в изоляторе временного содержания...

— Гражданин начальник?! Я что, уже арестован? — сконфузился Сеня.

— Почти, — не стал разубеждать его Комов.

— Но так нельзя. Ведь я не виноват, я ехал на желтый свет! Ну, не проскочил! Ну, не повезло!..

— Повезло. Еще как повезло — прямо на гражданку Вихареву... Это уголовная ответственность, Балабакин. Это три-четыре года лишения свободы... По зебре, говоришь, взгляд тащился...

— Да, по зебре, по пешеходной. Метафора, иносказание. Ваша теща под ноги не смотрела...

— Зачем ей под ноги смотреть? Она в сторону смотрела, откуда машина твоя появилась. Не успела она в сторону отскочить, извини...

— Да ладно! — безалаберно махнул рукой Балабакин.

— Что? — охлаждающе глянул на него Комов.

— Э-э, понимаю, это я должен извиняться...

— Поздно извиняться.

— Э-э, товарищ... гражданин начальник... Ну, может, как-то вопрос этот решим. С деньгами у меня сейчас туговато, проект не пошел, долгов много, кредиторы донимают, все такое прочее... — снова затараторил Балабакин.

— Мне до твоих денег дела нет, — внушительно сказал Комов. — И если думаешь про взятку, забудь. Не стоит усугублять вину...

— А что можно сделать? — умоляюще смотрел на него Сеня.

— Ничего. Будешь отвечать по всей строгости закона...

Не нравился Федоту этот парень, очень не нравился. Надо бы с ним еще поработать... Он вызвал конвой и отправил его в камеру.

* * *

Уголовника в каталажке не было. Сеня спросил, где он.

— Увели, — ответил рэпер.

Звали его Миша. Неплохой парень, если разобраться, только слишком крученный.

— Оцилопы на пинках увели.

— Кто?

— Ну ты нибумбук! — удивленно посмотрел на Сеню очкарик. — Оцилопы — это ж сцуки палиццай!

— Да ты не висни, не надо. Оцилопы — это менты... — пояснил Миша. — Не вписался пацан в поворот...

— Я тоже не вписался, — уныло кивнул Балабакин.

— Чего?

— Да так... Слушай, а ты реально рэп слушаешь?

— Рэп не слушают, рэп читают... Ямбы не в почете, хип-хоп на взлете, я реальный пацан, качу телегу, по кругу, йо!... Ну, телега — это речитатив, по ходу...

— Нибацца! Уппей себя абстену! — подленько хихикнул очкарик.

— Закрой варежку, очкур! — огрызнулся рэпер.

— Да не забывайся ты на него, — одернул его Сеня. — Поверь, он того не стоит... Ты мне скажи, у тебя бабосы есть?

— Бабосы схавали барбосы! Я на мели, чувак... А что такое? — в ожидании подвоха, но заинтригованно спросил Миша.

— Да вариант один есть. Ты телеги катишь, а я музыку пишу.

— Не понял.

— Композитор я.

— Да ты че! В реале?

— А я похож на клоуна, чтобы шутить?.. Мои песни на «Европе» крутятся...

— Да ну! Какие?

— Да такие...

Балабакин напел пару композиций, от чего Миша благоговейно захмелел.

— Рулез! А не гонишь?

Сеня не врал. Он действительно сочинял музыку и тексты к ней. Четыреста восемьдесят восемь композиций. Правда, востребованными из них оказалось только семнадцать, четыре из которых смело можно было назвать хитами. Больших денег на них не заработал, но «респект» и «уважуху» приобрел. Со временем у него появились бога-

тые заказчики, но вдохновение вдруг ухнуло в яму творческой пустоты. Песни он кропал десятками, но ни одна из них не была озвучена. Словом, полный отстой... Но совсем недавно Сеню окрылило, и он создал настоящий шлягер, обреченный, по его мнению, обретаться на верхних строчках российских чартов. Муза пришла к нему в момент наивысшего отчаяния, когда, казалось, мир обрушился в тартарары. Может, потому ее поцелуй был таким горячим и проникновенным...

— Да нет, брат... Я не вру. Правда это... Можешь не сомневаться...

Сеня давно уже заметил за собой одну странность. Он не волновался, когда говорил правду, но мог при этом говорить сбивчиво, даже косноязычно. А когда он врал, душа наполнялась смутой, но слова из груди выскакивали бойко, одно за другим, и язык чеканил звуки на редкость внятно, идиомы и метафоры вкручивались в текст без мозговых усилий.

— Ну, может, и не вправляешь. Но это же попса, — заметил Миша.

— Без попсовых прошивок твой рэп — труха.

— Ну да, телегу смазывать надо... Может, намурлыкаешь, я послушаю.

— Послушаешь. И запомнишь. А рулада мировая, отвечаю. Абсолютный хит.

— Да ладно, хит... И сколько ты просишь?

— Много. Пятьдесят тысяч евро.

Миша потрясенно посмотрел на очкарика.

— У тебя йаду нету?

— Есть. Пятьдесят тысяч за каплю.

— Стебаетесь?

— Он — да, я — нет, — лаконично сказал Сеня.

— Откуда столько бабосов?

Балабакин пожал плечами. Его дело предложить...

— Не, я такую мазу...

Рэпер не договорил. К решетке подошел прапорщик из дежурной части.

— Балабакин!

И снова Сеню повели на второй этаж, в отдел уголовного розыска. Все тот же кабинет начальника, но в этот раз его занимал другой офицер, такой же внушительно-могучий, как первый, но не в штатском, а в форме; ухоженный, начищенный, наглаженный, с большими звездами на погонах.

— Ну, и чего робеешь, парень? — усмехнулся он, рукой показал на стул за приставным столом.

Взгляд у него добродушный, но въедливо-тяжелый. На какой-то миг Сеня вдруг ощутил себя овощем, который посадили в кадушку, посолили, накрыли крышкой с каменным гнетом.... «Как бы сок не пустить...»

— Подполковник Круча. Начальник ОВД «Битово».

Балабакину и вовсе стало не по себе. Что ж он такое совершил, если сам начальник отдела внутренних дел за него взялся?..

— Рассказывай.

Голос у подполковника густой. Баритон, стремящийся к нижним, басовым нотам; звучание мягкое, укачивающее.

— Что рассказывать? — подавленно спросил Сеня.

— Как женщину сбил, расскажи.

— А-а, это...

— У тебя еще что есть рассказать?

— Да нет, нормально все, никаких эксцессов, все, как говорится, шито-крыто! — стараясь скрыть свой испуг, отбарабанил задержанный.

— Шито-крыто, говоришь... А женщину зачем сбил?

— Торопился очень. Красный свет прозевал.

— Куда торопился?

— К девушке, конечно... Если бы вы знали, какая у меня девушка здесь, в Битове, вы бы меня поняли и простили...

— Я тебя и так простил, но закон не позволяет, — усмехнулся подполковник. — А что за девушка?

— Стелла зовут! Золотые волосы, бриллиантовые глаза,

рубиновые губы, одним словом, сокровище. Такая любовь, гражданин начальник, такая любовь...

— Девушка у тебя здесь, говоришь, в Битове. А сам ты откуда?

— Ну, из Битова... Родители у меня здесь. Мать, отец... Но живу я в Москве... То есть жил...

— Чего так?

— Финансовые проблемы.

— С кем не бывает.

— Вот и я говорю, что за черной полосой следует белая, — оживился Сеня. — Пройдет печаль, наступит радость, все будет в шоколаде...

— Врешь, — усмехнулся Круча.

— Почему? — забеспокоился парень.

— Слишком гладко стелешь. Да и в тюрьме не может быть белой полосы. Там все в клеточку, без голубой каемочки... Или ты думаешь, что тебе путевку в санаторий за лихость твою гусарскую выпишут?

— Нет, — сник Сеня.

— А что за проблемы, говоришь?

— Да так...

— Финансовые, да?

— Ну да.

— А родители могли денег занять?

— Да нет, они сами без денег сидят. Сестра с мужем работают, но у них снега зимой не допросишься.

— А у кого одолжить можно?

— Ну, есть один человек, одноклассник мой, Петька Воронецкий, у него здесь бизнес небольшой, я его в свое время со знаменитостями знакомил, он у меня в долгу...

Сеню снова понесло, он и сам это понял, и Круча заметил.

— Тпрр! — осадил его подполковник. — Что-то ты разошелся. Скажи просто, что к однокласснику ехал, я пойму.

— К однокласснику ехал.

— Торопился очень.

— Торопился, — заворуженно повторял Балабакин.

- Не заметил, что красный свет горит.
- Не заметил.
- И женщину тоже не заметил.
- Был грех, гражданин начальник...
- Ясно. Что туману ты нагнал, ясно! — резко сказал

Круча.

Он уже не просто смотрел на Сеню, он тянул из него душу, вместе с подпорками, на которых держалась часть подсознания, создающая ложные образы. Балабакину вдруг показалось, что нет в нем больше способности врать...

— Майору Комову ты рассказывал, что спешил к родителям и ехал на желтый свет, — продолжал давить на него подполковник. — Для меня ты сочинил другую сказку — ехал к Стелле да на красный свет. Потом ты поехал к однокласснику... Плести ты умеешь, Балабакин, но не знаешь, к чему привязать свое вранье.

— Ну почему не знаю, — замялся Сеня.

— Знаешь, к чему свое вранье привязать? — усмехнулся Круча.

— Да не вранье...

— Кто сбил гражданку Вихареву?

— Я!

— Еще раз спрашиваю, кто?

— Я.

— Спрашиваю еще раз!

— Не знаю...

— Только не говори, что машина была в угоне...

— Не скажу...

— Тогда кто сбил женщину?

— Не скажу...

— Ну, тогда на этом и закончим. Сейчас отправишься в изолятор временного содержания. Извини, мест свободных нет, есть только в камере с бомжами. Но это не страшно. Страшней, когда ты в следственный изолятор попадешь... Парень ты стильный, как сейчас таких называют, подскажи. Метросексуалы?

— Э-э, да... — сконфуженно кивнул Сеня.